

maestro
of detective

ЧИНГИЗ

Абдуллаев

СМЕРТЬ НА ХОЛМЕ МОНТЕ-МАРИО

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Смерть на холме Монте-Марио

«PEN-клуб»

2000

Абдуллаев Ч. А.

Смерть на холме Монте-Марио / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2000 — (Дронго)

Головоломные загадки преследуют специального агента Дронго даже в отпуске... Отдыхая в Италии, он случайно становится главным свидетелем в деле о двойном убийстве крупного бизнесмена и его жены, которое произошло на частной вечеринке. Пытаясь выйти на след убийцы, Дронго понимает, что им может оказаться любой из приглашенных, при этом явных мотивов преступления ни у кого из гостей не прослеживается. И сыщик делает вывод, который кажется участникам вечеринки совершенно невероятным и даже ошеломляющим...

© Абдуллаев Ч. А., 2000

© PEN-клуб, 2000

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Чингиз Абдуллаев

Смерть на холме Монте-Марио

С каждым месяцем вокруг все меньше оставалось такого, что могло его удивить.

Торнтон Уайлдер «День восьмой»

Глава первая

Когда человек начинает опасаться каких бы то ни было изменений в своей жизни, значит, он стареет. Дронго помнил об этом и не любил, когда Джил напоминала ему собственное изречение. Он теперь довольно часто прилетал в Рим, чтобы встретиться с Джил и мальчиком, который был так похож на него, но изменить что-либо в их отношениях уже не хотел.

В последние годы Дронго сильно изменился – похудел, стал более замкнут, молчалив, в глазах появилось выражение печальной мудрости, которая свойственна всем умным людям, с течением времени превращающимся в циников. Он стал замечать, что меньше смеется и больше усмехается. Это начинало его беспокоить.

В отношениях с Джил тоже не все было ладно. И дело даже не в том, что он постоянно находился в разъездах, зарабатывая себе на жизнь аналитическими способностями, и даже не в его нежелании менять устоявшуюся жизнь. Некоторые привычки, приобретенные за долгие годы одиночества, уже становились частью его натуры. Несмотря на обиды Джил, он по-прежнему не мог спать в комнате, где находились посторонние. И хотя Джил трудно было назвать посторонней, он всегда уходил спать в другую комнату. Сказывались годы одиночества, за которые он привык к ощущению вибрирующей вокруг него тишины. Джил пыталась с этим бороться, но тщетно. Он не мог заснуть рядом с ней и реагировал на каждое ее движение или вздох. Очевидно, это была некая фобия, которую нужно и можно было преодолеть, но ни она, ни он не знали, как это сделать. И все попытки не обращать внимания на его состояние заканчивались лишь тем, что он поднимался по утрам, так по-настоящему и не заснув.

Он по-прежнему видел цветные сны и в своих ночных размышлениях был не так одинок. Джил ему безусловно нравилась, но в его невероятной, бурной жизни были и другие женщины. Иногда он видел Натали, чей образ навсегда остался в его сердце. Она спасла ему жизнь, подставив себя под пули. Натали была первой и, кажется, единственной женщиной, которая могла стать его женой. Иногда он видел Марию и слышал ее голос. Его до сих пор мучила совесть за ее самоубийство, словно он был виноват в тех обстоятельствах, которые сложились столь роковым образом. Иногда ему снилась темнокожая Лона, и он, улыбаясь, вспоминал, как им было хорошо в те осенние дни начала девяностых, когда время казалось еще не таким потерянными. Иногда он видел женщину, с которой они были знакомы только пятнадцать или двадцать минут, оказавшись случайно вместе в кинотеатре заштатного американского городка, где между ними вспыхнула страсть, которая закончилась столь же внезапно, как и началась. Иногда ему снилась Лена Сулова, и он чувствовал себя виноватым, снова и снова пытаясь себе объяснить, почему он не звонит ей, когда возвращается в Москву. Иногда...

Дронго редко оставался один, когда засыпал. Во сне ему являлись давно умершие люди и случайные знакомые, женщины, которых он любил, и мужчины, которые его ненавидели. Может, поэтому он подсознательно так боялся присутствия Джил. Ему казалось, что он разговаривает во сне, хотя знал, что это невозможно. Иногда Дронго даже оставлял включенным магнитофон, чтобы услышать, что именно он мог сказать, но запись фиксировала лишь его дыхание, иногда – прерывистый храп или громкие вздохи. И ничего больше. Но в отличие от

большинства людей Дронго помнил свои сны. Может быть, это волновало его гораздо больше, чем близость женщины, словно Джил только своим присутствием невольно отгоняла тени посещавших его людей.

Они провели месяц на Сардинии, и он твердо решил уехать в конце августа, как только они вернутся в Рим. Сказать об отъезде Джил было труднее всего. Ему самому не хотелось уезжать из этой удивительно прекрасной страны, от любимых людей, которых он не мог взять с собой ни при каких обстоятельствах, понимая, какой удобной мишенью для шантажа могли бы они стать. Однако разговор с Джил вопреки обыкновению получился достаточно спокойным. Она все хорошо понимала. И, уже осознав характер их взаимоотношений, заранее просчитывала возможность его внезапных исчезновений.

Джил осталась на Сардинии, а Дронго приехал в Рим, чтобы оттуда улететь в Москву. Билет он взял на девятнадцатое число и заказал себе номер в отеле «Кавалери Хилтон». Вечером Дронго поднялся на двенадцатый этаж в ресторан, откуда открывался изумительный вид на город. По вечерам здесь было принято появляться в вечерних костюмах, и он надел серый костюм, голубую сорочку, подобрал галстук. Дронго ужинал в одиночестве. Вдруг он услышал за спиной громкие голоса. Говорили по-русски.

– Я ей пыталась все объяснить, – взволнованно сказала женщина. – Я просила ее подождать и не торопить нас. Но в нее словно бес вселился. Чем богаче она становится, тем больше проявляется ее сволочный характер. Я говорила ей, что мы можем вернуть деньги только через четыре месяца, но она требует, чтобы мы уплатили весь долг до конца месяца. Представляешь, какая мерзавка?

– Мне она всегда не нравилась, – пробурчал мужчина. – И хотя она твоя сестра, я бы с удовольствием придушил эту гадину.

– Мало того что она дала нам в долг за такие проценты, она еще требует немедленно вернуть все деньги. Вы, говорит, уже дважды переносили срок возврата. Но ведь проценты мы платим аккуратно.

– Ты же знаешь, что я не смогу вернуть ей эти деньги, – недовольно сказал мужчина. – Тебе нужно было ее уговорить, объяснить, что мы вложили их в дело, а оно начнет приносить прибыль только через несколько месяцев. Я же не могу сейчас вытащить оттуда деньги, неужели нельзя понять такой элементарной вещи?

– Да она просто не хочет этого понимать, – зло сказала женщина. – Сегодня вечером они прилетают. Даже не знаю, как еще с ней говорить...

Дронго оглянулся. Женщине было лет сорок пять, может, чуть больше; плохо уложенные волосы, резкие черты лица, большой, вытянутый нос, несколько выпученные глаза и полное отсутствие талии. Сидевшему рядом с ней крупному лысому мужчине было за пятьдесят. Они ужинали вдвоем за столиком, который был накрыт на четверых.

– Как хочешь, так и говори. Торчинский тоже прилетит?

– Как обычно. Ей даже не стыдно, что она принимает у себя в доме этого певчишку. Все знают, что он в нее влюблен, и...

– Помолчи, – вдруг сказал мужчина. – Жураевы уже пришли.

За спиной у Дронго раздались восторженные голоса и звуки поцелуев. Очевидно, вновь пришедшие несколько опоздали, так как Жураев все время извинялся.

– Только постарайтесь не опаздывать завтра, Дима, – напомнил ему мужчина, сидевший за столом. – Иначе Марк и Катя на вас обидятся. Такой повод здесь собраться! Хорошо, что вы оказались в Риме.

– Мы приехали с Капри, – послышался томный женский голосок, очевидно, принадлежавший супруге Жураева. – Вы знаете, сейчас все отдыхают на Капри или в Сардинии. Это стало так модно. Лазурный Берег – уже вчерашний день. Там сейчас столько всякого сброда.

Невозможно никуда выйти, повсюду наши бывшие соотечественники. Понаехали из разных республик, снимают себе номера-сюиты, отвратительно ведут себя...

Дронго вспомнил, как несколько лет назад наблюдал за тремя дамочками, лежавшими на пляже отеля «Негреско». Они обучали стоявшего рядом официанта настоящему русскому мату. Они загорали топлес, а он, стоя в униформе, вынужден был повторять за ними непристойные выражения, вызывая дружный хохот своих наглых клиенток.

– Поэтому мы с Леонидом никогда не ездим на такие курорты, – сказала женщина, сидевшая за столом. – Мы вообще любим отдыхать у его родителей в Анапе. Там чудесные места. И девочке нашей там хорошо, да и мы славно отдыхаем от дел. Сейчас приехали сюда только из-за Марка и Катеньки. У них такое событие – пять лет совместной супружеской жизни.

Дронго посмотрел на прибывших. Молодая женщина с нарисованными бровями все время посматривала на своего мужа, словно сверяя с ним свои высказывания. Мужчина был высокого роста, у него был большой выпуклый лоб, тонкие губы, прямой длинный нос. Очки придавали его лицу некий налет интеллигентности. Он был старше своей супруги лет на десять. И если ей на вид можно было дать лет тридцать пять, то ему соответственно сорок пять.

– Ваша Екатерина просто умница, – восторженно сказала супруга Жураева. – Ты даже не знаешь, Клава, как мой муж относится к твоей сестре и ее супругу. Они ведь молодцы, такая прекрасная пара. На них смотреть просто удовольствие. Мы видели их фотографии в журнале. Они так хорошо смотрелись. А вы где остановились?

– Прямо тут, в «Хилтоне», – ответила Клавдия. – Зачем нам куда-то еще ехать? Все равно они сегодня вечером приедут сюда, и банкет будет завтра в отеле, прямо у бассейна.

Дронго подумал, что речь Клавдии сразу выдает в ней не слишком давнего завсегдатая отелей «Хилтон». Скорее, они приобщились к «благам цивилизации» только в последние годы.

– Кто-нибудь еще будет? – поинтересовалась Жураева.

– Нет, Леночка. Насколько я знаю, будет узкий круг. Приглашены только самые близкие, пара итальянцев, вы и мы. Больше никого не будет. Да, еще из Вены обещал приехать сам Олег Торчинский, если, конечно, сможет вырваться.

– Что вы говорите? – явно обрадовалась супруга Жураева. – Значит, прилетит сам Торчинский. Я даже не думала, что смогу увидеть его живьем.

– Увидите, увидите, – засмеялась лающим смехом Клавдия. – Я его уже видела у Кати в прошлом году на именинах. Наверное, и сейчас приедет.

Дронго чуть поморщился. За его спиной сидели нувориши, которые, очевидно, сделали деньги в безумные девяностые. Торчинский был популярным оперным певцом и обычно гастролировал за рубежом. Очевидно, на завтра намечался банкет, на котором он должен был присутствовать.

– А где вы остановились? – спросила Клавдия. – Я думала, вам будет удобнее в «Хилтоне».

– Сюда далеко добираться, – снисходительно объяснила ее собеседница. – Мы живем в «Эксельсиоре» на Виа Венетто. Сюда трудно добираться, Клавочка, а наш отель находится в самом центре. Говорят, сам Челлини любил бывать в этом отеле.

– Не Челлини, а Феллини, – поправил жену Дмитрий Жураев.

– Конечно, Феллини, – нервно дернулась его супруга. – Я просто оговорила. А ты сразу должен меня поправить. Я ведь знаю, что Феллини был всемирно известным режиссером. А Челлини, кажется, художник. Нам рассказывали про него во Флоренции.

Никто не стал уточнять, чем именно занимался Бенвенуто Челлини, и Дронго усмехнулся. Несоответствие между нажитыми капиталами и манерами этих нуворишей было столь разительным, что сразу бросалось в глаза. Их дети, отправленные в лучшие западные школы, уже пытались разобраться в итальянском искусстве и понять разницу между Феллини и Челлини. Правда, только те, кто хотел учиться. Тем, кто не хотел, не помогали даже лучшие запад-

ные университеты. Если человек хочет остаться кретином, то его переубедить почти невозможно. Некоторые умудрялись поменять несколько школ и вернуться домой, так и не получив достойного образования.

Дронго жестом подозвал официанта и попросил принести счет. Отметив свой номер, он расписался, дал официанту на чай, спустился на первый этаж и вышел из ресторана.

Отель «Кавалери Хилтон» считался одним из лучших отелей итальянской столицы. Расположенный на вершине холма Монте-Марио, он славился своими бассейнами, теннисными кортами и чудесным садом, окружавшим здание отеля. С любого этажа можно было любоваться прекрасным видом итальянской столицы. При входе в отель гостей поражало мастерство итальянских дизайнеров, оформивших хол в красно-золотых тонах. Спустившись по винтовой лестнице на нижний этаж, можно было пройти к расположенным в саду бассейнам. Слева от лестницы находился ресторан, где гости завтракали по утрам, а справа – закрытый бассейн. Реставрированный в середине девяностых, «Кавалери Хилтон» считался одним из самых дорогих отелей Рима.

Однако по непонятной логике его менеджеров, прямо за отелем, в ста метрах от здания, высилась телевизионная башня, на которой разместилось несколько десятков параболических антенн. Каждый раз, приезжая сюда, Дронго удивлялся, как могли в таком опасно близком соседстве находиться пятизвездный отель и телевизионная башня-антенна. Огромные номера «де люкс», роскошный сад, несколько бассейнов, бизнес-центр, галерея дорогих магазинов, богатая внутренняя отделка, ковры, золото, хрусталь, канделябры, подлинники картин известных мастеров – все это не сочеталось с этой непонятной антенной, которая так портила вид отеля.

Дронго подошел к портю и попросил заказать ему на завтра машину с водителем. Он уже хотел войти в кабину лифта и подняться наверх, как услышал за спиной удивленное восклицание. Повернув голову, Дронго нахмурился. Ему не хотелось, чтобы его здесь узнали. Но этот человек не мог его не узнать.

– Хеккет, – удивился Дронго. – Почему вы мне встречаетесь по всему миру?

– Здравствуйте, Дронго, – миролюбиво сказал Уорд Хеккет. – Вы ведь знаете, как я вас уважаю, и каждый раз показываете, что не рады нашей встрече.

Хеккету было лет пятьдесят. Он был среднего роста, у него были густые брови, мясистые щеки, пронзительные темные глаза, коротко стриженные волосы, тяжелый подбородок. Уорд Хеккет считался одним из самых известных экспертов по проблемам гражданского и уголовного законодательства. Он часто консультировал своих клиентов, не слишком щепетильно соблюдавших законы. За ним закрепилась слава всемирного афериста, который умело пользовался несовершенством действующих законодательных систем.

– Вы о себе слишком хорошего мнения, – пробормотал Дронго. – Я не просто «не рад», я очень не рад нашей встрече. Там, где появляетесь вы, не может быть ничего хорошего. Обязательно будет совершена какая-нибудь пакость не без вашего участия.

– Можно подумать, вы случайно оказались в этом отеле, – заметил Хеккет. – Не нужно делать вид, что мы незнакомы. Кстати, я нашел бы вас по вашему парфюму. А вот костюмы вы, кажется, начали менять. Это не «Валентино». Скорее нечто классическое, из Франции. Хотите, угадаю? Спорю, что это «Ив Сен-Лоран».

– Не буду спорить. Вы тоже изменили своему вкусу. Ваш костюм – от Бриони. Очевидно, вы успели сделать гадость нескольким оппонентам, если можете позволить себе такой дорогой костюм.

– Почему? Я шью такие костюмы только для солидности. Вы приехали по приглашению Марка Лабунского?

– Не имею чести знать этого господина. Я случайно оказался в Риме и столь же случайно – в «Кавалери Хилтоне». У меня билет на послезавтрашний утренний рейс. Могу его вам показать, если вы мне не верите.

– Покажите, – потребовал Хеккет.

– Он у меня в номере. Нельзя быть таким недоверчивым. Вы, очевидно, опять собираетесь проверить какое-нибудь грязное дельце и боитесь, что я вам помешаю. Могу вас успокоить – это не входит в мои планы. Послезавтра на рассвете я уезжаю. Мой самолет вылетает рано утром, и поэтому я выеду отсюда на рассвете.

– Я все равно проверю ваш билет, – упрямо сказал Хеккет. – Может, мы пройдем в бар и выпьем за нашу случайную встречу? Хотя я лично не верю в такие случайности.

– Напрасно, – усмехнулся Дронго. – В Риме немного отелей подобного класса, и, приехав сюда, мы должны были рано или поздно встретиться. Пить я с вами не буду, вы не очень приятный человек, мистер Хеккет. Но чай я себе закажу.

– Я забыл, что вы любите только вино и текилу, – рассмеялся Хеккет. – Если хотите, закажем текилу.

Они прошли в бар, находившийся в глубине зала, и сели на диван. Хеккет заказал мартини и чашку кофе, а Дронго попросил принести чай.

– Кто такой этот Лабунский? – спросил Дронго у Хеккета.

– Я же говорил, что вы оказались здесь не просто так, – пробормотал тот.

– А я вам объясняю, что первый раз в жизни слышу эту фамилию. Так кто он такой и почему должен был пригласить меня в этот отель?

– Лабунский – один из самых богатых людей России, – пояснил Хеккет. – Странно, что вы о нем не знаете. Некоронованный король российского бизнеса. Говорят, он контролирует половину поставок цветного металла из России в Европу.

– Ну и что? Мои интересы лежат несколько в иной сфере.

– Сегодня вечером он должен прилететь сюда вместе со своим адвокатом. Завтра состоятся переговоры между Лабунским и Умберто Лицци, руководителем крупнейшего итальянского машиностроительного концерна, на поставку оборудования в Россию. Контракт на восемьдесят миллионов долларов. Каждая сторона должна предъявить свои поправки к договору, чтобы выйти на окончательное решение.

– А вы, очевидно, будете представлять интересы итальянской стороны, – понял Дронго. – В таком случае не завидую Лабунскому. Ему придется несладко, ведь против него будет такой сильный соперник, как вы, Хеккет. Могу вас заверить, что я не собираюсь вам мешать.

– Надеюсь, – пробормотал Хеккет. – Впрочем, помешать невозможно. Можно лишь чуть ухудшить положение моего клиента. Этот контракт нужен обеим сторонам. Очень нужен.

– Вот и хорошо, – сказал Дронго. – Очевидно, итальянцы знают вашу слабость к русским миллиардерам и поэтому наняли вас для консультаций.

– Если вы вспоминаете тот случай в Москве, то я не имел к убийству никакого отношения, – дернулся Хеккет. – Моя профессия – дожимать оппонентов моих клиентов и заставлять их принимать нужные нам решения. Все остальное не мое дело. И вы это прекрасно знаете, Дронго. За всю свою жизнь я не убил даже мухи.

– Если вам хорошо заплатят, вы спланируете безупречное убийство самой безобидной мухи, – улыбнулся Дронго.

Хеккет пристально посмотрел в сторону входа. Затем, кивком показав на входивших, недовольно заметил:

– Приехали Лабунские.

Дронго повернул голову. Предупредительный швейцар уже держал дверь, пропуская гостей. Каким-то особым чутьем швейцары различали случайных посетителей, гостей, оста-

навливающихся здесь изредка, богатых клиентов, приехавших специально в столицу Италии, и, наконец, очень богатую публику, для которой резервировались особые номера.

В холл вошли трое. За ними катили две тележки с багажом, где выделялись коллекционные чемоданы от Луи Виттона. Первым вошел пожилой человек в темном костюме в серую полоску. В руках он держал небольшую сумку. Возможно, это был либо адвокат, либо помощник. Вслед за ним шел Лабунский. Высокого роста, в темных стильных очках, он был одет в черный с красными полосками джемпер и светлые брюки. Вместе с ним вошла эффектная молодая женщина лет тридцати пяти, также в темных очках. Роскошные каштановые волосы падали на плечи. Легкое темное платье идеально облегалo ее стройную фигуру. Очевидно, в молодости женщина занималась спортом, о чем говорили и ее фигура, и грациозность ее походки. В руках она держала сумочку с известным всему миру логотипом фирмы «Шанель».

– Екатерина! – закричала выходящая из лифта Клавдия. За ней вышел ее супруг и Жураевы. Пока семейные пары здоровались друг с другом, пожилой человек подошел к портье и получил ключи от президентского номера для Лабунского. Дронго обратил внимание, что супруга Лабунского не поцеловалась с сестрой. Она лишь пожалала ей руку.

– Очень эффектная женщина, – заметил Хеккет, увидев, как смотрит на женщину Дронго, – но жуткая стерва. Я уже с ними немного знаком. У нее хватка, как у бульдога. Между прочим, ходят слухи, что она работала в баре танцовщицей и была девочкой по вызову. Пойдемте, я представлю вас.

Они поднялись с дивана и подошли к Лабунским. Пожилой человек, стоявший рядом с портье, кивнул Хеккету – очевидно, он видел его и раньше.

– Добрый вечер, мистер Лабунский, – сказал по-английски Хеккет.

Лабунский оглянулся. У него были умные глаза. Внимательные, холодные, умные светлые глаза. Он пожал руку Хеккету, затем – Дронго.

– Это мой знакомый, мистер Дронго, – представил его Хеккет.

– Добрый вечер, – кивнув, сказал по-русски Дронго.

– Вы говорите по-русски? – спросил Лабунский. В его глазах была только настороженность, никакого удивления или волнения. – Вы похожи на итальянца.

– Говорю, – улыбнулся Дронго. – Я ваш бывший соотечественник. Мы жили в одной стране. Только я – в Баку, а вы – в Москве.

– Нет, не в Москве, – поправил его Лабунский. – Раньше я жил в Ленинграде и всего десять лет как переехал в Москву.

– Я тоже недавно купил себе квартиру в Москве, – сообщил ему Дронго. – Значит, теперь мы живем в одном городе.

– В таком случае мы уже земляки, – сказал без тени улыбки Лабунский.

Его супруга слушала их разговор и оценивающе смотрела на Дронго. Высокий рост, широкие плечи, мощная посадка головы, насмешливый взгляд, длинные пальцы, тонкие губы. Очевидно, подобного экземпляра в ее коллекции еще не было. Она шагнула к ним.

– Господин Дронго, – представил его Лабунский и добавил: – Он живет в Москве.

– Очень приятно, – пожалала руку Дронго Екатерина Лабунская.

У нее были красивые темно-карие раскосые глаза, чувственные губы, нос с небольшой горбинкой, придававшей ее лицу дополнительный шарм. Она была высокого роста. И рукопожатие было сильным.

– Завтра утром встречаемся, – напомнил Хеккет. – Мы уже привезли наш протокол.

– Мы тоже, – кивнул Лабунский.

Он понимал по-английски, но говорил с сильным акцентом.

Дронго и Хеккет отошли от приехавших. Гости прошли к лифту, получив специальные карточки, позволявшие им подниматься на экзекютив-этаж – специальный этаж, на котором размещались апартаменты для особо важных гостей.

Когда гости входили в лифт, Лабунская повернулась и еще раз посмотрела на Дронго.
– Роскошная женщина, – усмехнулся Хеккет. – Кажется, вы передумаете и не захотите улетать.

Дронго ничего не сказал. Ни один из них даже не предполагал, что Хеккет окажется прав и Дронго действительно не улетит. Но совсем по другим причинам.

Глава вторая

Обычно он не спускался к завтраку. Но в этот день он проснулся чуть раньше обычного. Посмотрел на часы. Было около десяти. «Завтрак в «Хилтоне» до половины одиннадцатого», – вспомнил Дронго. Можно успеть принять душ и побриться. Он еще раз посмотрел на часы и пошел в ванную комнату. В отеле ваннные комнаты были настолько просторными, что вмещали в себя и изогнутые, с большими зеркалами косметические столики для женщин.

Было десять минут одиннадцатого, когда он спустился вниз. У бассейна было довольно много людей. В ресторане завтракали гости. Дронго с удивлением обнаружил за одним столом чету Лабунских, их помощника и Леонида с Клавдией, чью встречу с Жураевыми он случайно подслушал. Увидев Дронго, Марк Лабунский поднял руку, приглашая его к своему столу. Даже на завтрак Дронго никогда не спускался в ресторан в шортах и майке. Вот и на этот раз на нем были тенниска и светлые брюки. Он подошел к столу.

Лабунские и их гости сидели за большим столом, за которым могли разместиться восемь человек. Они же впятером занимали его.

– Садитесь с нами, – предложил Дронго, поднявшись, Марк Лабунский. – Мы специально спустились вниз к завтраку, чтобы посидеть у бассейна.

– Доброе утро, – улыбнулся Дронго, глядя на остальных.

Екатерина Лабунская кивнула ему в ответ, чуть усмехнувшись. Она была в шортах и майке, надетой на голое тело, которая очень рельефно подчеркивала ее грудь. На родственниках была более свободная одежда: Леонид был в бриджах, а его супруга – в платье. Очевидно, никакие шорты не налезли бы на ее филейную часть.

– Садитесь, – пригласил Марк, указывая на место рядом с собой. – Разрешите вас познакомить. Это двоюродная сестра моей супруги Клавдия Соренко, а это ее муж – Леонид Соренко. Они тоже бизнесмены, но какие-то хилые, все никак не могут развернуться.

Услышав это, Леонид жалко улыбнулся, но не пытался протестовать, а его жена только нахмурилась.

– С моей женой вы уже познакомились, – показал на свою супругу Марк Лабунский, – а это наш юридический консультант, друг и помощник Станислав Обозов. Кстати, именно Обозов рассказал нам вчера про вас удивительные вещи. Он говорит, что много слышал про знаменитого на весь мир Дронго. Оказывается, вы очень известный человек. Нужно сказать, мы были заинтригованы его рассказом.

У Обозова было словно изжеванное, все в морщинах, лицо. Под глазами набухли мешки. Он вышел к завтраку в полосатой майке и шортах, из которых торчали две худые палки – морщинистые белые ноги. На носу были очки. Именно на носу, а не на глазах. Посматривая на Марка Лабунского, он все время усмехался и ничего не говорил.

– Обозов раньше работал в коллегии адвокатов, – пояснил Лабунский, – а потом перешел к нам юрисконсульт. Он говорит, что вы просто современный Эркюль Пуаро. Ездите по всему миру и расследуете разные преступления. Правда, считает, что вы еще немного и Джеймс Бонд. Такое странное сочетание аналитика с суперменом. А по вашему мнению, вы кто?

– Обычный человек, – равнодушно ответил Дронго и попросил официантку принести ему чай и кекс.

– Может, вы не тот человек, о котором он говорит? – вмешался в разговор Леонид Соренко. – Хотя откуда у вас такое странное имя – Дронго?

– Это не имя, – пояснил Дронго, – это кличка. Есть такая птица в Юго-Восточной Азии. Она умеет подражать голосам других птиц и ничего не боится. Вот поэтому я и взял такой псевдоним. С тех пор меня так и называют.

– Значит, вы ничего не боитесь? – спросила Екатерина Лабунская.

Волосы у нее падали на плечи, и без темных очков она выглядела еще эффектнее. К тому же ее облегающая майка несколько усложняла ситуацию, так как все проходившие мимо мужчины вольно или невольно обращали внимание на красавицу с такой фигурой и бюстом.

– В отличие от птицы я не такой храбрый, – пробормотал Дронго.

– Но говорят, что очень умный, – вставил Марк Лабунский.

– Это только слухи. Просто люди часто не находят объяснений вполне очевидным вещам и принимают мою наблюдательность за особые способности.

– Но вы действительно раскрыли много преступлений, – настаивал Марк.

– Не считал. Иногда я помогаю в расследовании преступлений, не более того.

Официантка принесла чай и кекс. Обычно по утрам он не завтракал, ограничиваясь лишь стаканом чая.

– Сидите на диете? – усмехнулась Екатерина.

– Нет, – ответил Дронго. – Просто я «сова», и моя активность проявляется во второй половине дня. Тогда я начинаю есть и интенсивно работать. Обычно я не спускаюсь к завтраку. Но сегодня решил спуститься.

– Нам повезло, – с явным вызовом сказала она. – Говорят, вы умеете угадывать чужие мысли.

– Вот это абсолютная неправда. Я не экстрасенс и не гадалка.

– Значит, Обозов нам соврал, – улыбнулась Лабунская.

Она улыбалась несколько вульгарно, показывая не только красивые зубы, но и кончик розового языка.

Обозов пожал плечами, не решаясь ничего вставить.

– Соврал, – упрямо повторила женщина, взглянув с неприязнью на Обозова.

Тот по-прежнему не произнес ни слова в свое оправдание.

– Но вы действительно эксперт по расследованиям? – уточнил Марк.

– Да, – кивнул Дронго. – Я работал специальным экспертом ООН и Интерпола. Но все это было достаточно давно.

– Значит, мы видим перед собой живого Шерлока Холмса, – торжествующе сказал Марк. – По-моему, нам нужно взять у вас автограф на память.

– Почему «на память»? – улыбнулся Дронго. – Мы можем увидеться и в Москве.

– Думаю, вы не откажетесь приехать к нам на дачу? – спросила Лабунская, снова показывая кончик языка.

– Не откажусь, – кивнул Дронго. – Я много слышал о вашем муже.

– Муж у нас сам по себе, а я сама по себе, – несколько раздраженно сказала она. – А вы работаете частным детективом и вас можно нанять для расследования преступления?

– Боюсь, что нет, – признался Дронго. – В последнее время я консультирую лишь государственные структуры и организации. Поэтому на частных клиентов у меня нет времени. Но я могу сделать исключение, – вдруг добавил он. Очевидно, майка на этой женщине действовала и на его подсознание.

– Мы сегодня ужинаем вечером с нашими гостями, – сказал Марк Лабунский. – Если у вас есть время, мы вас приглашаем.

– Спасибо, – кивнул Дронго. – Но завтра рано утром я улетаю из Рима.

– Тем более, – настаивал Марк. – Я пришлю за вами нашего Обозова.

– Вы не хотите к нам подняться? – спросила его жена, взглянув на Дронго и облизнув губы.

– Да, – сказал он, чувствуя, что теряет уважение к себе. – Конечно, поднимусь. Когда?

– В семь часов, – сказал Лабунский. – Немного посидите с нами, а потом мы вместе спустимся вниз, к бассейну, где будет банкет. У нас сегодня с Катей юбилей – пять лет совместной жизни.

– Поздравляю, – кивнул Дронго.

– Значит, сегодня вечером в семь часов, – повторил Марк. – Какой у вас номер? Обозов зайдет к вам ровно в семь.

– А мы поедем с Клавой в город, – сказала его жена. – Немного пройдемся по магазинам.

– Вызови машину, – предложил Марк. – Ты же знаешь, что за нашим номером закреплен автомобиль с водителем. Зачем ему простаивать? Возьмите его и езжайте в город. Я все равно буду весь день занят с мистером Хеккетом. А водитель поможет вам ориентироваться в городе.

– Верно, – обрадовалась Клавдия. – Он нас и повезет.

– Сами доедем, – отмахнулась Лабунская. – Зачем нам машина? Она нас будет только связывать. Лучше погуляем без нее.

– Это очень трудно, – предупредительно заметил Леонид Соренко. – Рим большой город, перепады весьма значительные. Вы натрете себе ноги и не сможете вечером появиться на банкете. Я бы на вашем месте взял автомобиль.

– Хорошо, – согласилась Екатерина, – возьмем машину. Как зовут нашего водителя? Надеюсь, он понимает по-русски?

– Экскурсионное бюро пришлет вам специального переводчика, – напомнил Марк. – Обозов еще вчера заказал его тебе. В одиннадцать машина с переводчиком будет ждать тебя у входа. Постарайтесь к шести вернуться, чтобы переодеться.

– Вернемся, – отмахнулась Екатерина. – Не нужно волноваться, Марк, мы не маленькие. И не потеряемся. Мы с Клавой однажды отстали от своего поезда в Минеральных Водах и потом добирались до Анапы на проходящих поездах. Без копейки денег. И ничего страшного не случилось.

– У тебя было романтическое прошлое, – усмехнулся муж.

Она метнула на него грозный взгляд:

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ничего. Просто я прошу тебя не повторять подобных экспериментов. Ни в Риме, ни в Минеральных Водах.

– Постараюсь, – она поднялась из-за стола, – до свидания. Я иду в номер.

Следом за ней поднялась Клавдия. Мужчины остались вчетвером.

– У женщин свои проблемы, – пробормотал Леонид.

– А ты свои проблемы решил? – неожиданно спросил Марк.

– Стараюсь, – попытался улыбнуться Леонид. – Ты знаешь, как сейчас тяжело...

– Плохому танцору всегда что-то мешает, – жестко заметил Марк. – Екатерина мне говорила, что ты вечно хнычешь, как баба. Веди себя достойно. Чего ты у нее все время денег просишь...

Леонид побледнел, посмотрел по сторонам, словно ища поддержки у Обозова и Дронго, и умолк, глядя в тарелку. Но уши у него горели, будто родственник надрал их самым бесцеремонным образом.

– Вот так и живем, – подвел итог Марк, снова взглянув на Дронго. – А вы раньше бывали в Риме?

– Да, – кивнул Дронго, – я хорошо знаю город.

– А я не очень, – ответил Марк. – Обозов, поднимись наверх к портье и уточни, когда будет машина с водителем и переводчиком. Чтобы не опаздывали. Сам знаешь, какой у Кати характер.

Обозов, так и не сказавший ни слова, молча встал из-за стола. Когда он шел к лестнице, чтобы подняться на следующий этаж, где находился холл отеля, Марк провожал его долгим взглядом.

– Они не опоздают, – быстро сказал Соренко, – в таком отеле обслуживание на уровне.

– На каком уровне? – насмешливо спросил Марк. – В Испании, в пятизвездном отеле, у нас чемодан пропал. Сейчас везде одинаковый уровень. Ничего особенного.

– Это один из лучших отелей Рима, – сказал Леонид.

– Знаю. Я ведь сам предложил здесь собраться. Мы были в этом отеле в прошлом году, и мне он понравился. Но все равно проверить нужно.

Дронго допил свой чай и теперь терпеливо ждал, когда наконец Лабунский поднимется. Тот словно раздумывал. Наконец он встал и пошел к лестнице. Следом потянулся Соренко. Дронго догнал Марка у лестницы.

– До свидания, – кивнул он Лабунскому.

– Увидимся вечером, – напомнил ему Марк.

Дронго поднялся в холл и обнаружил сидевшего в баре Уорда Хеккета. Дронго подошел к нему и без приглашения сел на диван рядом с ним.

– Уже позавтракали? – осведомился Хеккет. – Вы изменяете своим привычкам, Дронго, обычно вы не просыпаетесь так рано.

– Я же не проснулся в шесть утра, – заметил Дронго, – сейчас уже почти одиннадцать.

– Ну да. Вы случайно спустились вниз? Или на вас произвела впечатление супруга Лабунского?

– У вас бурная фантазия, Хеккет, я всегда это замечал.

– Значит, она вам не понравилась. И вы случайно оказались рядом с ними за завтраком?

– Не случайно. Я спустился вниз, и Лабунский пригласил меня за их стол. Оказывается, его помощник поведал им разные истории в стиле Пуаро. Я иногда удивляюсь, с какой охотой люди верят в невероятные истории. Кстати, переговоры у вас сегодня?

– Да, сегодня. Я жду синьора Лицци и представителей компании. Не хотите присоединиться?

– Вы все-таки считаете, что я здесь для того, чтобы принять участие в ваших переговорах? Вы умрете от язвы желудка, Хеккет, это я могу вам обещать. Постоянная подозрительность приводит к нервным срывам и тяжелым заболеваниям. Я уже вам объяснил, что оказался здесь случайно. Хотя должен признаться, что эти люди по-своему интересны. Там каждый сам за себя и не любит остальных.

– Как и везде, – усмехнулся Хеккет. – Вы меня иногда удивляете, Дронго. Такой идеализм при вашей профессии! Мне казалось, что вы уже могли привыкнуть к тому, что люди порочны по своей натуре и в жизни каждый борется только за себя.

– Это не люди порочны, а у вас порочная философия, Хеккет, – сказал Дронго, поднимаясь с дивана. – Надеюсь, переговоры пройдут успешно. И завтра я все равно улечу из Рима. Кстати, Лабунский пригласил меня сегодня на ужин. Полагаю, вы опять будете меня подозревать в тайном сговоре с Лабунским.

Он обошел диван и прошел через холл. С левой стороны от входа в отель находилась стойка консьержа, рядом – кабины трех лифтов, откуда можно было подняться в отель. За стойкой консьержа находились телефоны-автоматы, откуда могли позвонить гости, приезжавшие в «Хилтон».

Дронго шел к лифту, когда услышал негромкий голос. Кто-то говорил по-русски. Голос был незнакомым, однако Дронго услышал имя Марка Лабунского.

– Переговоры пройдут сегодня, – негромко говорил незнакомец. – Кажется, он готов пойти на уступки. Но мы можем договариваться только до определенного уровня. Не более десяти процентов. Нет, на двенадцать он не согласится ни при каких условиях.

Дронго сделал шаг и посмотрел на говорившего, который стоял к нему спиной. Он узнал Обозова. Дронго сделал шаг назад и вошел в кабину лифта:

«Какой он, однако, разговорчивый», – подумал Дронго, направляясь в свой номер.

Приняв душ, он переоделся и снова спустился вниз. В холле он столкнулся с уже знакомыми женщинами. На Екатерине был легкий светлый брючный костюм, на ее двоюродной сестре – шелковое бежевое платье. Дронго подумал, что в такую жару лучше не носить шелка.

– Господин Дронго, вы тоже собираетесь в город? – чуть насмешливо спросила Лабунская.

– Да, – кивнул Дронго. – Говорят, открылась выставка Сальвадора Дали. Я специально задержался в Риме на один день, чтобы попасть на нее.

– Как интересно, – сказала Лабунская, оглянувшись на свою сестру. – Может, вы возьмете нас с собой? Машина уже ждет, и мы могли бы поехать в город вместе.

Клавдия нахмурилась. В ее планы явно не входило посещение музея. Скорее она хотела пройтись по магазинам, чем тратить время на музеи. Дронго уловил тень, набравшуюся на ее лицо.

– Конечно, – кивнул он, обращаясь к Лабунской, – но после музея у меня назначены важные встречи. Если хотите, мы поедем вместе, но потом я вынужден буду вас оставить.

– Мы не задержим вас на целый день, – быстро сказала Лабунская. – Если хотите, вы можете с нами не ехать.

– Я поеду, – сказал Дронго, видя, как она нервничает.

У женщин с сомнительной биографией всегда нервная реакция на повышенный интеллект собеседников. Очевидно, Лабунская принадлежала к числу таких женщин.

– Туристическое бюро не позаботилось о нашем гиде, – нервно сказала Лабунская, – в Италии всегда так, никакого порядка даже в пятизвездных отелях.

– Гид должен приехать в двенадцать, – несмело вставила Клавдия.

Ей очень не хотелось ехать в музей.

– Мы не будем ждать, – громко сказала Лабунская. – Вы поедете с нами? – Она посмотрела ему в глаза.

– Конечно, – кивнул он, – музей находится на Виа дель Корсо, прямо в центре города.

– У нас автомобиль, – напомнила Лабунская, – и водитель, который понимает по-русски. Хотя он поляк, но, говорят, сумеет нас понять.

– Там будут подлинники или копии? – вмешалась Клавдия.

Лабунская взглянула на нее, потом – на Дронго. В ее глазах мелькнуло понимание пикантности момента. Или ему показалось?

– Только подлинники, – сумел сдержать улыбку Дронго.

Они вышли из отеля. У темного «Мерседеса» стоял молодой водитель. Он открыл дверцу автомобиля.

– День добрый, – сказал он по-русски, улыбаясь.

Лабунская кивнула в ответ, ничего не сказав. Она прошла и первая села в салон машины. Ее сестре пришлось обходить автомобиль, чтобы сесть с другой стороны.

«Однако у супруги Лабунского тяжелый характер», – подумал Дронго, усаживаясь рядом с водителем на переднее сиденье.

Автомобиль выехал из сада, окружавшего отель. Водитель обернулся к Лабунской, безосшибочно признав в ней главную.

– Куда едем, пани? У вас есть какие-нибудь пожелания? Меня зовут Томаш. Я могу вам помочь?

– Он скажет вам адрес, – сказала Лабунская, уже успевшая надеть темные очки. Люди, поднявшиеся со дна жизни, самые строгие и жестокие хозяева в отличие от потомственных аристократов. Бывшие рабы всегда немного садисты: они мстят себе подобным за прежние унижения.

– Виа дель Корсо, – сказал Дронго, – рядом с колонной Марка Аврелия. Там должен быть музей.

– Я знаю, – кивнул водитель, – это в центре города.

Машина, набирая скорость, направилась вниз, в город. От отеля до центра города было минут пятнадцать умеренной езды. Между центром и отелем постоянно курсировал рейсовый автобус, бесплатно перевозивший гостей «Кавалери Хилтона».

За все время поездки Екатерина Лабунская не произнесла ни слова. Очевидно, она не хотела разговаривать в присутствии водителя, понимавшего русский язык. Лишь однажды Клавдия громко ахнула, когда они проезжали мимо очередного фонтана, но, взглянув на сестру, прикусила язык, не решаясь вслух восхититься увиденным.

К музею они подъехали через пятнадцать минут. Дронго любезно купил три билета и, пропустив женщин, вошел следом за ними. На передвижной выставке, посвященной творчеству великого испанца, были представлены в основном графические и скульптурные работы, хотя было несколько полотен, написанных Дали в разные годы.

– Забавно, – недовольно говорила Клавдия, глядя на вытянутые фигурки, созданные великим мастером.

– Интересно, – задумчиво подтверждала Лабунская, слушая объяснения Дронго.

Дали был одним из самых любимых его художников. Однако еще больше Дронго любил Босха и Брейгеля, по его мнению, фактических предшественников Дали, хотя некоторые искусствоведы наверняка с ним не согласились бы.

Осмотр выставки продлился примерно полтора часа. Дронго нравилось, как внимательно Екатерина Лабунская слушает его объяснения. Красивой женщине обычно хочется показать свой интеллект, но это был не тот случай. Она слушала с настоящим интересом, не пытаясь притворяться, иногда переспрашивая и уточняя что-то.

Они уже выходили из музея, когда раздалась трель ее мобильного телефона. Она достала аппарат, чуть сморщилась и нервно произнесла:

– Нет, мы не стали ждать. Нет, нам она не нужна, – речь, очевидно, шла о гиде, – нет, пусть катится куда-нибудь подальше, чтобы в следующий раз не опаздывала.

Дронго поразило выражение ее красивого лица. Весь налет интеллигентности испарился, и перед ним стояла обычная, вульгарная баба.

– Нам она не нужна, – снова повторила Лабунская. – Как у вас дела? Переговоры уже начали? Ну вот и хорошо. Я ведь знаю, как ты умеешь пудрить людям мозги. До свидания.

Она убрала аппарат и обернулась к Дронго:

– Звонил Обозов. Говорит, что приехала наконец эта дура, наш гид. Я посоветовала ей вернуться обратно, чтобы в следующий раз не опаздывала. У вас есть время? Мы могли бы вместе пообедать, и вы показали бы нам город. Кажется, вы знаете Рим гораздо лучше, чем любой гид.

Клавдия побледнела. Она прикусила губу, не решаясь возражать. Но в планы Дронго все равно не входило провести весь день в Риме с двумя дамами, одна из которых ему нравилась.

– Извините, – он мягко улыбнулся, – я же вам говорил, у меня еще встречи. К сожалению, я не смогу вас сопровождать.

Лабунская удивленно подняла брови. Кажется, ей редко приходилось слышать подобные отказы от мужчин. Тем с большим любопытством она взглянула на Дронго.

– Надеюсь, мы увидим вас вечером, – сказала Лабунская, на прощание протягивая руку. На этот раз она чуть задержала свою ладонь в его руке. Клавдия кивнула на прощание и с явным облегчением поспешила за Лабунской к выходу.

Когда Дронго вышел из музея, их машина уже отъезжала.

Рим – один из тех городов мира, где ему всегда было интересно. Он любил улицы и площади этого города, столь зримо воплотившего в себе эволюцию цивилизации. Когда Рим уже был великим городом и центром огромной империи, на месте Лондона и Парижа еще стояли

жалкие поселения. Он повернул в сторону площади Венеции, где находится величественный монумент Виктору-Эммануилу Второму.

В тот день он успел посетить Этрусский национальный музей и собор Сан Джованни ин Латерано, резиденцию римских пап с четвертого по четырнадцатый век. В эпоху Возрождения собор был перестроен, а затем, уже в период позднего барокко, реставрирован архитектором Борромини. У деревянного алтаря собора, по преданию, служил мессу святой Петр.

Рядом с собором находилась святая лестница – двадцать восемь мраморных ступенек, привезенных в Рим матерью императора Константина Еленой. Согласно легенде, именно по этим ступенькам поднимался в дом Понтия Пилата Иисус Христос. Чтобы войти в папскую капеллу, верующие должны были подниматься по этим ступенькам на коленях.

В соборе Дронго обратил внимание на супругов, оживленно шептавшихся у алтаря. Он подошел поближе, узнав Жураевых, тех самых собеседников семьи Соренко, которые ужинали с ними вчера в отеле «Хилтон».

– А я тебе говорю, что нам нужно туда пойти, – злилась женщина. – Что ты из себя строишь? Тоже мне магнат. Рядом с Лабунским ты никто. Пустое место, пшик один.

– Ты меня еще учить будешь, – зло парировал муж, – с твоими мозгами место только на кухне. Мы сегодня поедем на ужин. Мне обязательно нужно быть там.

– Опять хочешь поглазеть на эту стерву? – разозлилась жена. – Думаешь, я не знаю, зачем ты туда едешь?

– И на нее посмотреть тоже, – рассудительно сказал муж, – но это не самое главное. Ты ведь знаешь, что у нас с Лабунским деловые отношения.

– Поэтому ты его так ненавидишь? – зло спросила жена.

– Не ори, дура, – зло пробормотал муж, – нас могут услышать.

– Ну и пусть услышат. Здесь все равно никто не знает русского языка. Ты ведь говорил, что им не нужно заключать этого контракта. Сам говорил, а теперь...

– Хватит, – разозлился муж, – я ничего тебе не говорил. И замолчи. Мы сегодня вечером поедем в «Хилтон». И если ты еще раз пикнешь, я оставлю тебя дома и поеду один.

Дронго отошел от Жураевых, чтобы их не смущать. В отель он вернулся к шести часам вечера. Он успел принять душ и переодеться, когда в его номер постучали. На часах было шесть пятьдесят пять. Он взглянул на часы и пошел открывать дверь. На пороге стоял Станислав Обозов.

Глава третья

– Заходите, – посторонился Дронго, – кажется, вы пришли немного раньше.

– Да, – кивнул Обозов, входя к комнате. Он был в сером костюме и серой рубашке. Галстук был повязан небрежно крупным узлом. Очевидно, Обозов не очень любил носить эту деталь мужского туалета.

– Ужин будет в восемь часов, – пояснил Обозов, – я пришел пригласить вас в номер Марка Лабунского.

– Могли бы просто позвонить и предупредить меня, – пожал плечами Дронго, надевая пиджак.

– Тогда каким образом вы бы поднялись на этаж? – удивленно спросил Обозов. – Без специальной карточки подняться невозможно. Нужно вставить карточку, чтобы кабина лифта поднялась на экзекютив-этаж. Мой номер на четвертом этаже, а семья Соренко живет на пятом. Нам не нужны такие карточки, но без них нельзя попасть туда, где живут Лабунские.

– Я забыл, – признался Дронго, – хотя нет, скорее не забыл. Просто не придавал этому значения. Дело в том, что в отличие от Марка Лабунского я не так богат. Моих гонораров хватает на то, чтобы жить в лучших отелях мира, но заказывать себе президентские или королевские номера я не могу.

– Говорят, вы лучший эксперт-аналитик в мире, – заметил Обозов, выходя первым из номера.

Дронго вышел следом за ним и захлопнул дверь.

– Вы, наверное, сообщили об этом Лабунским, – недовольно заметил он, – но на самом деле я всего лишь бывший эксперт ООН, ныне нигде не работающий.

– А мне в Москве рассказывали совсем другое, – вставил Обозов.

Они повернули налево, туда, где в середине коридора были расположены лифты.

– Люди нуждаются в сказках, – ответил Дронго, входя в кабину лифта.

Обозов вошел за ним, вставил карточку, нажал кнопку десятого этажа, и они поднялись наверх. Обозов достал карточку, и они вышли в коридор. Напротив лифта сидела дежурная. Она кивнула Обозову, строго посмотрела на Дронго и ничего не спросила.

Они прошли к номеру Лабунского, и Обозов, достав другую карточку, отпер дверь. В просторной гостиной на столе стояли роскошный букет живых роз и причудливо изогнутая пепельница, в которой лежала коробка спичек с изображением всадника. Повсюду были расставлены кресла и горели светильники. Из кабинета вышел Марк Лабунский. Он был одет в черный костюм. Увидев Дронго, Марк улыбнулся ему и, пожав руку, пригласил присесть на диван.

– Спасибо, что приняли мое приглашение, – сказал он, обращаясь к своему гостю, – мы немного задержались на переговорах и поэтому перенесли ужин с семи на восемь. Никого посторонних не будет. Только мы с вами, сестра жены с мужем, еще пара знакомых и итальянцы. Человек десять, не больше. И еще прилетел Олег Торчинский. Он сейчас должен прийти. Вы, наверное, про него слышали?

– Немного, – кивнул Дронго.

Обозов прошел и сел в кресло. Лабунский подвинул к себе столик на колесиках с напитками.

– Что вы будете пить? – спросил Лабунский.

– Красное вино, если можно, – попросил Дронго.

– Итальянское или французское?

– Лучше французское.

Лабунский поднял трубку и попросил прислать официанта, чтобы открыть бутылку французского вина. Сам он предпочитал неразбавленный виски. Он успел плеснуть себе виски, когда в дверь постучали. Официант ловко открыл бутылку дорогого «Бордо» девяносто третьего года и, налив его в бокал для Дронго, сразу исчез. Обозов сам сделал себе коктейль, смешав маленькую бутылочку томатного сока с огромной порцией водки, которую посолил и поперчил.

– Наш Станислав пьет не «Кровавую Мэри», а скорее «Мэри с каплями крови», – пошутил Лабунский, – он наливает такое количество водки, что томатный сок лишь немного разбавляет эту огненную жидкость.

– Мне так нравится больше, – пробормотал Обозов.

Достав из кармана обе карточки, от кабины лифта и от дверей, он протянул их Лабунскому.

– Это ваши, – угрюмо сказал он.

Лабунский положил обе карточки в карман и, обращаясь к Дронго, с улыбкой сказал:

– Говорят, вы помогли нашим дамам осмотреть музей Сальвадора Дали. Это очень любезно с вашей стороны.

– Я случайно столкнулся с ними, – пробормотал Дронго, – и предложил посетить этот музей.

– Катя любит подобные места, – сказал Лабунский, – а вот Клавдии, боюсь, не очень понравилось в вашем музее.

Обозов громко хмыкнул. Лабунский поднялся и прошел в кабинет к столику, на котором лежала коробка дорогих гаванских сигар. Лабунский взял одну, поднял со столика специальной прибор для обрезания сигар, щелкнул им, отсекая кончик, затем достал роскошную золотую зажигалку. Дронго видел со своего места, как блеснула зажигалка и Лабунский зажег сигару. Сладковатый ароматный дым пополз по номеру. Лабунский вернулся к дивану и положил сигару в пепельницу на столике.

– Вы не возражаете? – спросил Лабунский уже после того, как появился с сигарой в гостиной.

– Нет, – улыбнулся Дронго, – тем более что это, кажется, настоящие кубинские сигары. Вы получаете сигары с Кубы?

– Откуда вы знаете? – улыбнулся Лабунский.

– Они сейчас большая редкость, и их не продают в обычных магазинах.

– Это мои любимые сигары. Я вожу их с собой повсюду, – сказал Лабунский, – у меня осталось только несколько штук. Хорошо, что через два дня мы возвращаемся в Москву. На таможне в Лондоне их у меня даже отобрали, но потом вернули. Хорошо, что это не Америка. Туда запрещен ввоз кубинских сигар. Но в Москве все еще можно найти хорошие кубинские сигары.

– У вас превосходный вкус, – кивнул Дронго, – кстати, спасибо за вино. Оно просто великолепное.

– Только не говорите этого при итальянцах, – усмехнулся Лабунский, – синьор Лицци считает, что самые лучшие сорта красных вин – итальянские.

– Не стану его разубеждать, – сказал Дронго, и в этот момент кто-то позвонил.

Лабунский кивнул Обозову, разрешая открыть дверь. Тот поднялся и пошел к двери. Затем, посмотрев в «глазок», открыл дверь. На пороге стоял подтянутый мужчина среднего роста в смокинге. У него были красивые пышные волосы, правильные черты лица, светлые глаза. Это был знаменитый тенор Олег Торчинский. Он вошел в комнату с огромным букетом цветов в руках.

– Добрый вечер, – сказал своим хорошо поставленным голосом Торчинский.

– Здравствуй, Олег, – поднялся со своего места Лабунский и, небрежно затушив сигару, поспешил к гостю.

Торчинский передал букет Обозову и обнялся с хозяином дома. Дронго поднялся с дивана и пожал руку прибывшему.

– Дронго, – представился он.

– Олег Торчинский, – гордо назвал себя певец.

– Когда ты приехал? – радостно спросил Лабунский.

– Два часа назад. Прилетел из Вены, чтобы вас поздравить. А где Катя?

– Она сейчас выйдет. Как всегда, долго одевается, – улыбнулся Марк. – Садись с нами.

Что ты будешь пить?

– Ничего. Только теплую минеральную воду. Я прилетел на один день. Завтра вечером у меня концерт в Вене, и я возвращаюсь домой.

– Сегодня мы еще погуляем, – засмеялся Лабунский. – Обозов, дай нам минеральную воду. Я специально оставил на столике минеральную воду, знал, что ты приедешь, Олег.

– Спасибо, – кивнул певец.

Он был несколько смущен таким вниманием, но, с другой стороны, очевидно, привык к подобному отношению.

Обозов принес бутылку минеральной воды, налил в высокий стакан, протянул его гостю. Лабунский пригубил свой стакан с виски. Торчинский недовольно посмотрел на сигару, все еще продолжавшую дымить.

– Нельзя ее потушить? – спросил он.

– Конечно, – сразу ответил Лабунский, придавив сигару сильнее. Он не стал ее беречь, заметил Дронго, он ее раздавил.

С другого конца гостиной, где находились две спальни, послышались приглушенные шаги. Мужчины повернулись в ту сторону, откуда должна была появиться женщина. Двери раскрылись. Очевидно, она умела просчитывать эффекты от подобных театральных представлений. Створки двери распахнулись одновременно. Она появилась на пороге. Высокая, эффектная, в темном открытом платье, с дорогим колье на шее. У нее были красивые руки, волнующая линия плеч. Она понимала, что производит впечатление, и была горда произведенным эффектом. Кажется, единственный человек, на которого она подействовала не столь ошеломляюще, был Станислав Обозов.

Он вздохнул, поднялся, взял со стола огромный букет цветов, принесенный Торчинским, и протянул его женщине со словами:

– Это вам.

– Спасибо, – она поняла, что он испортил весь эффект, и обожгла его уничтожающим взглядом. Подошел Торчинский и поцеловал ей руку.

– Мы уже спускаемся вниз, – сообщил ее муж, – кажется, сейчас половина восьмого. Синьор Лицци обещал появиться к восьми. У европейцев не принято опаздывать, даже у итальянцев.

– Это нужно сказать гиду, которая задержалась на целый час, – зло пробормотала Лабунская, входя в гостиную.

– Вы выглядите потрясюще, – восхищенно заметил певец.

– Надеюсь, – улыбнулась она ему и посмотрела на Дронго. – Я хотела поблагодарить вас за экскурсию. Вы были хорошим гидом.

– А вы оказались хорошей слушательницей, – ответил Дронго.

– Пойдемте вниз, – предложил Марк Лабунский. – Катя, ты взяла карточки от лифта и отеля?

– Да, они у меня в сумке, – ответила Екатерина, открывая свою сумочку от Гуччи. На этот раз она была эллипсоидной формы с металлической ручкой. Лабунская достала обе карточки и показала их присутствующим.

– А где наш контракт? – спросил Лабунский.

– У вас в сейфе, – напомнил Обозов. – Вы думаете, нам нужно взять его с собой?

– Нет, конечно. Надеюсь, что из сейфа его никто не достанет. Знаете, Дронго, я давно хотел вас спросить, вы ведь эксперт по преступности. Какой код считается идеальным? Говорят, что нельзя ставить даты своего рождения или даты своих близких. А какой код идеальный?

– Наверное, идеальных кодов не существует, – заметил Дронго, – к любому можно найти ключ.

– Я тоже так думаю, – кивнул Лабунский и открыл дверь.

Он пропустил вперед супругу, гостей и вышел следом за ними. Последним из номера вышел Обозов, который захлопнул дверь, и все пятеро прошли по коридору к кабине лифта. Дежурная, увидев Лабунских, подобострастно улыбнулась и пожелала доброго вечера. К своим клиентам здесь относились особенно почтительно.

Они спустились вниз и вышли в холл первого этажа. Внизу уже находились явно нервничавшие супруги Соренко. Очевидно, Лабунский не посчитал нужным предупредить их о переносе ужина на час, и они добрых тридцать минут искали, в каком именно ресторане могли оказаться Лабунские, пока наконец метрдотель ресторана не сообщил, что ужин перенесен на восемь вечера.

Клавдия была в зеленом плотно облегающем платье. Очевидно, она успела сильно понервничать, так как лицо ее было красного цвета и она задыхалась от возмущения. Ее муж успел расстегнуть две верхние пуговицы рубашки и распустить узел галстука.

– Где вы были? – не выдержала Клавдия, увидев сестру. – Мы так волновались.

– Не нужно нервничать, – хладнокровно посоветовал Лабунский.

Клавдия открыла рот, чтобы что-то возразить, но посмотрела на мужа и замолчала. Ее супруг, увидев Торчинского, изобразил бурную радость и долго тряс руку певцу. Без пятнадцати восемь в отель приехали Жураевы. Увидев Торчинского, они так обрадовались, словно он приехал на рождение именно к ним. Немедленно откуда-то появился фотоаппарат, и супруги по очереди и все вместе сфотографировались с певцом.

В восемь приехали итальянцы. Две пары. Одна пожилая, супругам было лет по пятьдесят пять – шестьдесят, другая – помоложе, лет по сорок. Всех четверых сопровождал Хеккет, который с удовольствием здоровался с каждым из присутствующих. С не меньшим удовольствием он поздоровался с Дронго, который был вынужден при всех пожать руку своему давнему сопернику.

Стол на четырнадцать человек был накрыт у бассейна. Предупредительный метрдотель и официанты уже выстроились вокруг стола. Все стали рассаживаться. С левой стороны, ближе к бассейну, сидели Лабунские, Торчинский, супруги Соренко и Жураевы, напротив – две пары итальянцев, Хеккет, Дронго и Обозов. Таким образом, Дронго вынужденно оказался между Уордом Хеккетом и Станиславом Обозовым. Разумеется, это соседство его совсем не радовало. Он довольно быстро разобрался, что именно старший по возрасту среди итальянцев и является тем самым Лицци, ради которого на банкете присутствовал Уорд Хеккет.

Первыми тосты произносили гости из России. Итальянцы уже немного привыкли к визитерам из стран бывшего Советского Союза и их несколько агрессивной манере вести себя за столом. Тосты следовали один за другим, официанты старались успеть налить всем присутствующим спиртное. При этом дамы не отставали от кавалеров.

Дронго смотрел, как вел себя каждый из гостей, оказавшихся за этим столом. Супруги Соренко явно чувствовали себя не в своей тарелке. Жураевы были преувеличенно любезны, как бы стараясь показать, что подобные приемы были для них не столь заметным событием.

Торчинский был элегантен, вежлив и непроницаем, хотя иногда бросал грозные взгляды на Екатерину Лабунскую. Обозов мрачно молчал, уткнувшись в тарелку, и почти не пил, позволив себе лишь несколько глотков. Хеккет, напротив, был весел и необычайно оживлен, он поддерживал каждый тост Лабунского или Жураева и высоко поднимал свою рюмку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.